В ежемесячнике «Горизонт» № 9 за 1988 год опубликована стенограмма общемосковского собрания писателей, которое состоялось 31 октября 1958 года и было посвящено обсуждению решения руководящих писательских органов о лишении Б. Л. Пастернака звания советского литератора. Документ, как ему и положено, воспроизводит достоверно и полно, что говорилось в тот день. Сценарий впечатляет, действующие лица предельно выразительны.

Стенограмма дает пищу для раздумий о проблемах, волнующих сегодня общество. Проблемах политических, правовых, нравственных. Свои заметки я ограничу одной темой. Рассмотрим данное «обсуждение» с точки зрения норм и правил поведения при обсуждениях. Ныне у нас часто сетуют на недостаток культуры дискуссий, нарушение этики спора, требований полемического кодекса чести. Но не всегда ясно, что же имеется в виду. Могут сказать, что обсуждение «дела» Пастернака не имело ничего общего с дискуссией. Но именно поэтому его анализ поучителен. Знание того, как не должно быть,— полезное знание. И мы извлечем действительно «тяжелые уроки». Их можно было бы разделить на три части: на то, что, надо надеяться, никогда не повторится; на то, от повторения чего мы не застрахованы; на то наконец, что и сегодня повторяется.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

ЗАМЕТКИ ИЗ «ЗАЛА СУДА» НАД Б. Л. ПАСТЕРНАКОМ

Итак, «обсуждение» начинается. Естественно, «есть предложение», принимаемое, как водится, без возражений: в президиум избираются члены президиума правления СП СССР, бюро оргкомитета СП РСФСР и президиума МО СП РСФСР. То есть люди, которые на своем объединенном заседании уже приняли решение об исключении Пастернака из Союза писателей. Такое начало многое обещает. Сразу видно, что обсуждение организовано для одобрения. Не скрывается и цель: обеспечить тотальное единодушие. Сообщается, что по поводу «поведения Пастернака» составлено письмо для печати, его подписали не только московские писатели, «но и те, которые в этот период находились в Москве». (Чувствуете? Над сбором подписей потрудились). Казалось бы, все в ажуре. Но «возникла мысль»: почему письмо подписано только группой литераторов? А остальные? И было решено свистать всех наверх, «чтобы прозвучал голос всего коллектива московских писателей».

Так был задан курс на единство. В дальнейшем оно обеспечивалось откровенно нажимными, захватными методами. Достоин упоминания такой процедурный момент. Поднимается Н. В. Чертова: «Есть предложение о составе комиссии по выработке решения: Лесючевский Н. В., Чертова Н. В., Гус М. С., Зелинский К. Л., Антонов С. П.». Возражений, как полагается, не последовало. Неважно, что Чертова предлагает Чертову. Кто же обращает внимание на такие мелочи! Речь ведь идет об осуждении «самого жалкого реакционного отщепенца». А вот и еще эпизод из области процедуры. Уже под конец обсуждения вспохнуло, представьте, даже слово «демократия». Это когда подводили черту. Выступили 14 человек, но еще оставалось много записавшихся. Раздались голоса: дать слово Владимиру Дудинцеву.

Председатель действует демократически: «Я считаю, что элементарный демократизм требует — или прекратить прения, или продолжать». Большинство проголосовало за отлучение Дудинцева от трибуны. И резонно. А ну как Дудинцев нарушит благолепие единодушия? Ведь он совсем недавно на себе испытал единство в затаптывании неугодного.

Уже докладчик дал ясно понять, какие нужны речи. Покаяние, одно только покаяние, ничего, кроме покаяния. Покаяния в том, что «курили фимиам», «кружили голову» похвалами, в итоге — «проглядели». От почитателей и друзей поэта ораторы требовали «собрать свое мужество и совесть», выйти на трибуну и сказать: «я был из тех». Из тех, кто преступно «очарован творчеством Пастернака», кто создавал «легенду о Пастернаке как о замечательном поэте», «мастере стиха». Раскаяния ждали и от людей, которые «говорили, что это глубоко порядочный человек, это старый интеллигент с его особой, исключительной порядочностью». Словом, очиститься обязаны были все, кто запятнал себя верой, будто «из Пастернака еще можно сделать человека».

В культурной среде всегда считалось стыдом и позором переходить на личности. Вмешивать в существо дела неугодные качества ума и характера человека. Бесцеремонно заезжать в чужую душу и усердно копаться в ней, как при обыске. Еще Пушкин писал: строгий критический разбор сочинения может казаться обидным самолюбию его автора, но тут еще нет ничего оскорбительного для его личности: иное дело, если «преступают черту литературных прений и поминутно, думая напасть на писателя, вызывают на себя негодование члена общества и даже гражданина». Это уже означает терять чувство приличия, выходить из границ благопристойности.

Со страниц стенограммы звучат голоса людей, которые ничему не научились и многое забыли. Забыли неслыханные оскорбления, нанесенные Ждановым А. Ахматовой и М. Зощенко. На муссировании «личных особенностей» поэта они порезвились вовсю. Как же! «Выяснить лицо», разоблачить «образ жизни существования (так в стенограмме) Пастернака в нашей стране и в нашей литературе», раскрыть его «предательскую психологию», «предательский комплекс во всем» — это же захватывающе интересная материя. К тому же «психологическое проникновение подследственному в душу» (кредо бывшего следователя) позволяет, не заботясь о фактах, доказать все что угодно. В нашем случае — объявить, что Пастернак — «это не только вымышленная, преувеличенная в художественном отношении фигура, но это и подлая фигура».

Чтение в сердцах. Как глубоко привычка к нему сидит в нас! Иной сердцевед, словно в книге, читает в мыслях и чувствах своего оппонента, находя их недостаточно окрашенными в патриотические тона. А как часто первая реакция на критику — сбор компромата на критикующего по правилу: чтобы опровергнуть доводы человека, надо опорочить самого человека. Не хотим и знать, что полемика — это борьба идей, а не просто людей, в ней главное — не о ком, а о чем речь.

До знакомства со стенограммой не поверил бы, что после XX съезда партии в чуткой, совестливой писательской аудитории могли звучать такие чудовищные обвинения, которые достаточно перепечатать, чтобы тем самым опровергнуть. Без обширных выписок, пожалуй, невозможно и читателя заставить поверить, что иные вещи действительно неслись с трибуны под аккомпанемент фраз о «порядочности, чести и совести советского писателя», покрывались аплодисментами, криками «Позор!» Слушайте: «Для нашего старшего поколения не так легко прийти к сознанию, что перед тобой твой сосед — твой враг, причем очень опасный, очень извилистый, очень тонкий враг, который может под прикрытием обладания эстетическими ценностями нанести тебе удар в спину. Это человек, который держит нож за пазухой».

Выступавшие сожалели, как о вредной слабости, о прошлом дружелюбии к Пастернаку, об «излишней бережности к товарищу, который ошибается». Этот «серьезный наш недостаток», должен «заставить задуматься над вопросом о характере нашей воспитательной работы, потому что наша иногда бережливость, дружеское отношение начинают превращаться в ту форму либерализма, которая становится поддержкой врага». Свои промахи по части бдительности ораторы тут же сваливали на самого Пастернака, умевшего коварно отвести от себя подозрения. Ведь он, свидетельствовал один оратор, «вдруг, сочиняя разные вещи, написал несколько строчек о Ленине, и настоящих. Он иногда выдавал советского толка стихотворения. Он жил так все время, очень хитро пряча сущность того, что он думает, и это привело к тому, что мы непрерывно возились с ним».

Так говорили члены творческого союза, «братья во литературе» об излишней бережности к таланту. Разве это не «тяжелый урок»? Всякий союз творческих работников обязан защищать своих членов от притеснений, ограждать от придирок, несправедливости. Иначе зачем он? У нас и теперь модно, возводя очи горе, намекать на мнение «там», в аппарате, где, мол, все вершат. Жалкий лепет оправданья! Не допустила же Академия наук СССР исключения из своих рядов А. Д. Сахарова, несмотря на оказывавшееся на нее давление. Не допустила в отличие, как пишет в «Коммунисте» академик Е. Челышев, от некоторых творческих союзов, автоматически исключавших своих опальных товарищей. Расправой с Пастернаком писатели помогли бюрократии заморозить ростки оттепели.

У нас иногда сетуют на доносный стиль критики и полемики, но жаль, что не приводят примеров, без чего сами эти попреки приобретают оттенок доносительства. А примеры учили бы такой стиль разгадывать и давать ему настоящую цену. Для доносного стиля характерно оперирование изустными преданиями, разными «случаями», полузабытыми разговорами. Плюс картинный пафос. Наигранный гнев. Намеки тонкие на то, чего не ведает никто. И, конечно, ложь. Мастер доносного стиля кидает фразочки вроде: «мы помним реакцию Пастернака на венгерские события», «мы знаем его разговор о Мандельштаме» — и люди должны чувствовать, что говорилось, наверное, что-нибудь ужасное. Доносчик, о чем бы ни толковал, не упустит случая заодно ужалить мимоходом тех, кому завидует.

Писательская «дискуссия» — отталкивающий пример еще в одном отношении. Я имею в виду манеру вещать от лица всего народа. Оратор заявляет: «Товарищи, завтра исполняется неделя, как наш народ узнал о деле Пастернака... Народ в том понятии, в каком мы понимаем советского человека (?!), не знал Пастернака как писателя. Он узнал его как предателя». Тут же сообщено, что дружескую телеграмму Пастернаку по случаю премии прислал французский писатель Камю. И вывод: «Конечно, этот факт окончательно расценен в глазах народа и показал, что все наши надежды на то, что у Пастернака осталось хоть сколько-нибудь чести и совести, оказались тщетными».

Сущая песнь песней — выспренная речь комсомольского поэта, имевшего счастье слышать доклад Семичастного на «изумительном празднике» во Дворце спорта. «Там было 12 тысяч человек. Это был комсомол. Это был Центральный Комитет комсомола, это были представители всех поколений комсомола, всех 67 миллионов человек, которые прошли через комсомол, как сказал сам докладчик. И, товарищи, когда говорил т. Семичастный о Пастернаке и когда была бурная овация, это был голос многомиллионного сегодняшнего и всего комсомола». Комсомольский поэт зачитывает кусок из доклада насчет человека, который «жил в нашей среде. а теперь взял и плюнул в лицо народу», и, охваченный верноподданническим умилением, заключает: «Русский народ правильно говорит: «Дурную траву — вон с поля!» Апелляции к народу лились как из ушата. «Мы должны от имени советской общественности сказать ему: «Вон из нашей страны, господин Пастернак. Мы не хотим дышать с вами одним воздухом».

Люди, не читавшие роман (А. Софронов: «Я книгу не читал тогда и сейчас не читал»), говорят другим, тоже его не читавшим: «я думаю, всем вам ясно», «я думаю, каждый почувствовал», «вся советская общественность». И даже так: «Я не сомневаюсь, что наше мнение о поведении Пастернака, вероятно, будет единодушным». Не сомневаюсь, что вероятно!..

Замечательно, что в заключение прений председатель, сообщив о поступивших в президиум записках, в которых писатели выразили согласие с исключением Пастернака и свои патриотические чувства, подчеркнул: «Все они горячо поддерживают тон нашего собрания...» Да, тон и сделал всю музыку. Он не спадал вплоть до обсуждения резолюции.

Кто-то внес поправку: «Почему правительство должно решать само, без нас? Мы должны просить правительство. И надо так и записать: «Просить Советское правительство о лишении Пастернака советского гражданства».

Разбор стенограммы неизбежно подводит к теме ответственности. О некоторых витиях теперь и не вспомнишь, кто такие. Я только хотел подчеркнуть, что этот документ — грозное предостережение потенциальным доносчикам и пасквилянтам, литературным и нелитературным, тайным и явным. Ничто не проходит бесследно! И те, кто склонен к милым увлечениям, пускай это почувствуют, пускай подумают, прежде чем хвататься за раскаленное железо.

Недавно довелось прочитать в «СК» и совсем несообразное. Читателя хотят уверить, что больше виноваты не те, кто выступил, но те, кто не выступил. Вот и доказательство: «Нравственная проблема, что лучше, вернее, что хуже: сказать или промолчать, человечеством решена давно». Нас хотят уверить в том, насколько приятнее те, кто заплевывал, травил и гнал, сравнительно с теми, кто молчал. Куда проще решали подобную нравственную проблему другие. Например, В. И. Ленин, который писал: «Ведь это подло — позволять ругать, когда нельзя хвалить».

Можно сколько угодно перебирать, как лепестки ромашки, невинные слова: сказал — не сказал, выступил — не выступил. Но этим не затушевать вопрос: как выступил и что сказал? Вряд ли так уж нравственно все валить на «тогдашнего главу государства и партии», на требования «партийной дисциплины». На них не спишешь безоглядную брань, доходившую у иных ораторов до визга, до истерики. Не спишешь угодливое доброхотство, старание петушком забежать вперед начальства, переплюнуть в оскорблениях самого Семичастного. Один отважился даже покуситься на приоритет Семичастного, напомнив собранию, как еще задолго предупреждал, что «перед нами внутренний эмигрант».

Автор письма в «Советскую культуру» В. Солоухин, не дрогнув, перечислил два с половиной десятка промолчавших на обсуждении литераторов. Среди них Антокольский, Сельвинский, Кирсанов, Алигер, Катаев, Анатолий Рыбаков, Шатров, Бек, Трифонов, Тендряков, Паустовский, Бакланов, Светлов, Боков, Евтушенко. За это напоминание от меня как читателя, любящего нашу литературу, автору письма искреннее спасибо. Сколько великолепных поэтов и писателей, не замаравших свое имя, честь и достоинство! Читая гадкую стенограмму, я, потрясенный, забывал об этом, поддавшись гнетущему впечатлению.

Никто не жаждет крови. Но знать правду надо. Как писал Салтыков-Щедрин, «торжество правды не влечет за собой никаких отмщений. Правде чужда месть; она приносит за собой прощение, и даже не прощение, а просто только восстановление действительного смысла явления». Человек не прекращает своих поисков правды «не потому, чтоб это была прихоть его бунтующей природы, как утверждают литературные клоповники, а потому, что искания эти столь же естественны, как естествен и самый закон прогрессивного нарастания правды». И только ложь «ждет очереди для отмщений».

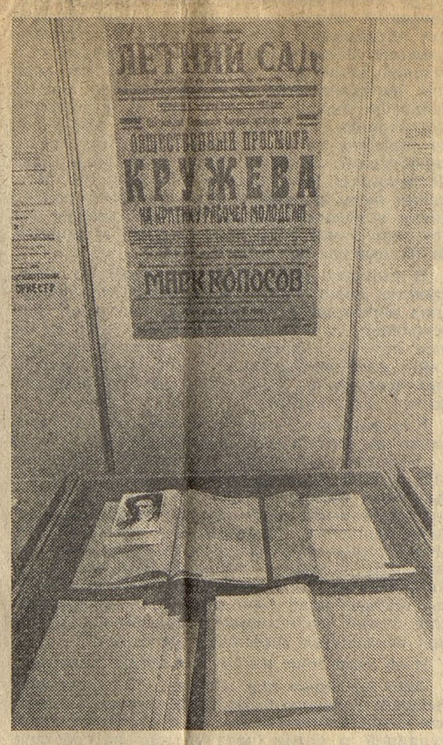
Святое право забывать и прощать клеветникам, мучителям — за теми, кто из-за них страдал. Академик Д. С. Лихачев, прошедший крестный путь лагерей, может быть великодушен. Но нестерпимо было бы слышать, если бы какой-нибудь следователь-палач Хват сам объявил: я милосердно прощаю себя. Да при этом начал бы изрекать сентенции о нравственности.

С каким негодованием цитировали ораторы то место из письма Пастернака в адрес собрания, где он говорил: «Я не ожидаю, чтобы правда восторжествовала и чтобы была соблюдена справедливость. Я знаю, что вы под давлением обстоятельств это сделаете, но я вас прощаю». Смертельное оскорбление! «Настоящий иезуит», он считает нас слабыми людьми, а себя сильным человеком, считает нас стадом, не способным подняться до его интеллекта. Основной принцип нашей жизни — коллективизм — для него просто стадность. По его мнению, эта стадность делает человека ординарным, принижает его. Мы не раз слышали эту философию от наших врагов, и это словечко «стадность» нам повторяют самые ненавистные наши враги. А он, «ребенок в политике», толкует о каком-то прощении!

Мера вины, если и все виноваты, все-таки бывает различна. Каждому — по делам его.

Какой же главный урок? Документ предостерегает: когда в каком-нибудь коллективе создается обстановка, исключающая свободу мнений и критики, не требующая ничего ни доказывать, ни опровергать, а только громить и обличать, тогда верх берут не лучшие силы. Тогда правят бал завистливая и мстительная посредственность, ханжество и лизоблюдство, тщеславие и карьеризм. Их голосом перекрывается и подавляется все и вся. Такое бывало и в искусстве, и в науке, и в политике. Что в обстановке несвободы и гонений на поверхность всплывают всякие пролазы, отмечал еще Карл Маркс. Преобладание таких субъектов было подавляющим, например, при бисмарковском законе против социалистов. Правда, Маркс видел в этом и полезную сторону. «Какое благо, — писал он, — сотворил Бисмарк, не **для себя, а для нас**, тем, что благодаря вынужденному безмолвию в Германии стало возможным отчетливо услышать этих молодцов!» Столь же отчетливо были слышны в России ликвидаторы, которые с молчаливого одобрения цензуры вели забронированную от ответов полемику против нелегальной партии. Недаром рабочие называли их гробокопателями. О тех, кто в более поздние времена и совсем недавно были слышны у нас особенно отчетливо, не стоит и говорить, чтобы не впасть в банальность. Но извлекать уроки и делать выводы необходимо.

Н. ПРОШУНИН,
кандидат исторических наук.



На ВДНХ СССР, в павильоне «Советская культура», развернута выставка «Государственный архивный фонд СССР и его роль в перестройке». Многие документы в экспозиции представлены впервые, привлекает внимание раздел «Из истории Ленинского комсомола», в котором выставлено около 150 экспонатов.
- Портрет поэтессы М. Цветаевой (1912 год.).
- Фрагмент экспозиции «Из истории Ленинского комсомола».
- Писатель Б. Пастернак (1928 год).

Фото К. Корнешова.

Паустовский на собрании не был

В своем письме В. Солоухин бросил тень на кристально чистого человека — Константина Георгиевича Паустовского, которого современники называли «совестью нашей литературы».

К. Г. Паустовского на судилище Б. Пастернака **не было!**

В то время Константин Паустовский находился в г. Тарусе. К нему прибыл С. С. Смирнов с официальным приглашением на собрание писателей. Но Паустовский отказался участвовать в собрании.

Теперь о так называемом «молчании» писателей. Когда незадолго до истории с Пастернаком таким же образом шельмовали В. Д. Дудинцева, Паустовский дал резкую отповедь официальным обвинителям романа «Не хлебом единым». За это на долгие годы оказался в опале. Кроме того, стоит напомнить В. Солоухину о неопубликованном, но достаточно известном письме К. Г. Паустовского в защиту Б. Пастернака:

«...Скандал по поводу Пастернака был необдуманно устроен нашими руками. Он далеко не поднял наш авторитет в мире, не укрепил и не украсил наших связей и дружбы с другими народами мира, в частности с интеллигенцией, а принес только вред...

В его книге «Доктор Живаго» нет ничего враждебного Советской власти. Книгу эту можно издать у нас массовым тиражом. Кому-то, очевидно, было выгодно гонением на Пастернака подорвать авторитет Советской власти и выставить нас на осмеяние. Или выгодно в этом деле доказать свою верноподданность.

Нельзя допускать к решению судеб литературы людей с уровнем унтера Пришибеева.

...Неужели каждая критика наших недостатков может расцениваться как клевета и преступление?

Писатель имеет полнейшее право участвовать в жизни страны как гражданин, обладающий способностью созидания и критики.

Неужели за это надо судить и карать?»

Недопустимо Владимиру Солоухину оправдывать свою позицию, произвольно выбирая себе в компанию людей, чья нравственная высота была явлена всем и каждому.

Нельзя смириться, чтобы честное имя Константина Георгиевича Паустовского было опорочено перед сегодняшними читателями.

И. КОМАРОВ,
директор народного литературного музея К. Г. Паустовского,
Ф. МАКАРОВА,
И. БОГОМОЛОВА,
Л. ГАЛАДЖЕВА и др.

Оценки наши прямы и просты

Отлично выступил В. Солоухин. Очень, очень нужно его отречение «группе», которая навязчиво и нагло пытается «отмыть» Б. Пастернака и, более того, отшлифовать его до золотого блеска. Я читал в журнале «Горизонт» все выступления писателей от 1958 г., и их не в чем обвинить, кроме как в нежелании возводить аполитичность литературы в некую норму. Я помню эту историю, когда Пастернак «вляпался» в Нобелевскую премию. Не берусь говорить за всех студентов МАИ, но я и практически все мои товарищи по вузу осуждали в 1958 году акцию Пастернака как предательство и готовы были сказать при случае «пару ласковых слов» этому человеку. Да, мы дети военных лет, мы свидетели серьезнейшего испытания — войны и разрухи. И оценки наши прямы и просты... Как ни крути, Пастернак стоически отгораживал себя от бед и радостей страны, имея задумку романа «Доктор Живаго». Как ни крути — ему «забугорная» лесть была по душе, правильно его упрекали в этом в 1958 г., указали, что нужно искать признание у своего народа. Что с того, что заискивание перед Западом сегодня становится нормой уже не у единиц.

Как ни крути — Нобелевская премия была дана Пастернаку по политическим мотивам.

Г. ХИЖНЯК,
инженер.

ЗЕЛЕНОГРАД.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

...Души сковывал прошлый, всей жизнью впитанный страх, а не реальные опасности. Никого не следует судить за этот страх и никого не следует призывать к геройству. И все же находились люди, которые, еще не смея поднять голос, уже не могли присоединиться к травле. В те годы неучастие было выражением порядочности и актом общественного протеста. Не понимать этого сегодня непростительно.

Как же низко пал нравственный уровень общества, если писатель, не чуждый в своем творчестве духовных проблем, не видит разницы между совершением позорного деяния и уклонением от него.

Л. ЛИПМАН, К. СЛЕЗКИНА,
Г. ШЕСТОПАЛ.

МОСКВА.

...Вероятно, человек в своей жизни все поступки может оправдать и даже искренне в душе, но в обществе должны быть определены критерии нравственности, иначе отношения в обществе становятся неопределенными и сильно затрудняются...

Г. ЯКЕМЕНКО,
инженер.

ЛЮБЕРЦЫ.

...Да, в той или иной мере виноваты, как это ни больно, все, кто «жил-был», кто видел, чувствовал. Но все в РАЗНОЙ МЕРЕ. Разве сопоставима вина Молотова и Кагановича, Ежова и Берии с виной-бедой Бориса Полевого и Бориса Слуцкого?! Надо различать приспособленцев и людей, бессильных что-либо изменить: в той трагической ситуации никто не мог защитить Пастернака от произвола, он был обречен сложившейся системой. Но ведь и камень бросил не каждый!

В. МАКСИМЕНКО.

ОДЕССА.

Не вина, а беда

Высказывание В. Солоухина о коллективной вине стало основным поводом для дискуссии, развернувшейся на страницах «Советской культуры». Ее участники обрушились на Солоухина с обвинениями в том, что он якобы хочет укрыться от личной ответственности, спрятаться за общую вину, не признавая вины своей собственной.

Самое страшное заключается в том, что участники того собрания, произнося политические обвинения, лишавшие Пастернака гражданских прав, понимали, что иначе вести себя не могут. Человек знал, что его протест ничего не изменит, и терзался муками от содеянного им под нажимом суровых обстоятельств.

Весьма убедительны в этом плане страницы из книги Д. Данина, опубликованные в одном из последних номеров журнала «Наука и жизнь». Так, в упомянутой книге автор рисует образ критика А. Тарасенкова, который обожал Пастернака, буквально преклонялся перед его поэзией, бережно собирал и пытался издавать его стихи и в то же время печатал разгромные статьи о нем — дабы не прослыть защитником «формалиста» — и даже вел тайную тетрадь с записями бесед с поэтом, которую в случае необходимости можно было предъявить кому следует как доказательство своего верноподданничества. Как видите, не все так просто, как теперь пытаются представить сторонники личного покаяния... Нельзя усматривать в поведении людей того трагического времени одну трусость, лицемерие, малодушие. Век-волкодав ломал многие души. И не вина людей, а скорее беда, если их принуждали быть оборотнями, заставляли следовать определенной линии поведения, призванной демонстрировать монолитное единство партии и народа.

Л. ШАМЕНКОВА.
журналист.

МОСКВА.

Грех интеллигента...

В сталинские времена писателей называли «инженерами человеческих душ», то есть людьми, обладающими правом-привилегией быть носителями высокой духовности и совестливости. Сегодня мы знаем, что это была всего лишь красивая формула, как и многие другие, обманная. От художника требовали одного — апологетики, восторженного «воспевания» действительности, безропотного следования за «партийной линией». Случай с осуждением Бориса Пастернака в этом смысле был вполне в духе времени. Настаивая на этом, В. Солоухин прав. Но ссылка на обстоятельства (любые!) никогда в глазах настоящего интеллигента не может быть оправданием дурного поступка. Развитое чувство собственного достоинства не позволит интеллигентному человеку свалить вину за участие в неблаговидном действии на кого-либо другого, в том числе и на «такие были времена». Увы, среди всех прочих деформаций и девальваций (отлучение крестьян от земли, «огосударствление», бюрократизация общественной жизни и т. п.) то, что произошло с интеллигенцией и интеллигентами, с «солью земли русской», производит особенно гнетущее зрелище и впечатление. Правда, были и те, кто не сломался, не поступился своей «особенностью»,— Платонов, Булгаков, Пастернак, Твардовский, Абрамов, Шукшин, Трифонов и др., продолжавшие, несмотря ни на что, «гнуть» свою линию, отстаивать свою позицию. И заметьте, никто из них не считал себя ни героем, ни мучеником. Для них противостояние «таким временам» было отнюдь не донкихотством, а естественным выражением их духа, той самой **особенности** их человеческого и художнического призвания, которое является неотъемлемым признаком подлинной интеллигентности. А совсем недавно, в самые что ни на есть «застойные времена», академик Андрей Сахаров проявил мужество неприятия действительности, которую многие из нас вместе с В. Солоухиным созерцали, «добру и злу внимая равнодушно». И потому нам есть в чем каяться и стыдиться. Не для того, чтобы оправдаться,— происшедшего не изменить. А для того, чтобы вернуть себе ту самую **особенность** образа жизни и поведения, которой всегда отличалась передовая русская интеллигенция.

Валентин ТОЛСТЫХ,
доктор философских наук.